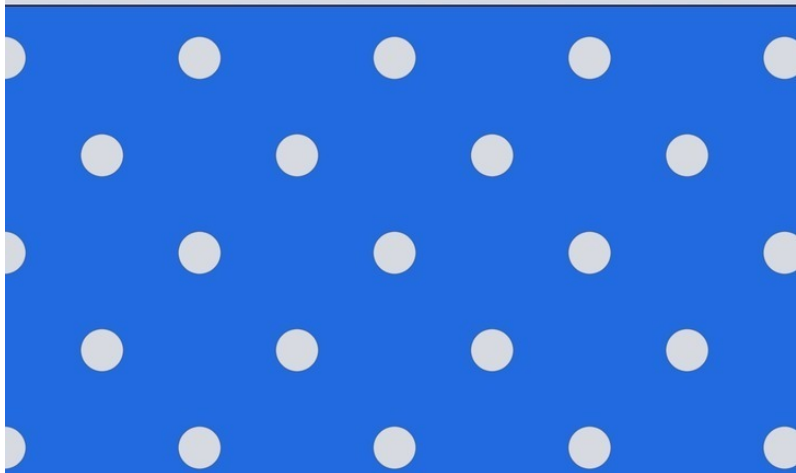

Евгений Катков

*Две повести
и рассказ*

Вдумчивая проза

Евгений Геннадьевич Катков
Две повести и рассказ.
Вдумчивая проза

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24123876
ISBN 9785448519925*

Аннотация

Повесть «Витя» – история самоубийства студента-медика в последние советские годы и довольно жесткие размышления о смысле жизни. В «Письмах» – перестроечный дневник молодого русского католика. «Воды» – небольшой мальчишеский рассказ.

Содержание

Витя	5
Глава I. Смерть	5
Глава II. Смешное	42
Глава III. Праздники и будни	62
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Две повести и рассказ

Вдумчивая проза

Евгений
Геннадьевич Катков

© Евгений Геннадьевич Катков, 2017

ISBN 978-5-4485-1992-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Витя

Московская повесть

*«Думаете ли, что те восемнадцать человек,
на которых упала башня Силоамская
и побила их,
виновнее были всех живущих в Иерусалиме?
Нет, говорю вам;
но если не покаетесь, все также погибнете».*
Лука. 13. 4—5

Глава I. Смерть

Это случилось в Москве на ноябрьские праздники 1980 года. Три дня тогда вышли выходные. Десятого числа в довольно смутном душевном расположении я отправился на работу. Приехал рано. День, помню, был пасмурный, морозный. Холодный сильный ветер поневоле заставлял меня идти быстрее. Институт пустовал. Одиночные сотрудники курили на лестнице. Лаборантка стояла у раскрытого шкафа, застегивала свежий белый халат, разглядывала себя в зеркале на тыльной стороне дверцы. Начальник, буркнув приветствие, склонился к газете. Я бросил сумку на стол и услышал, что меня спрашивают; оглянулся. Ко мне под-

ходил небольшой человек, заросший волосами и бородой, в очках, в старом зимнем пальто с каким-то древним мехом на вороте, в коротковатых и широких советских джинсах, ниже которых располагались совсем неуместные грубые туристские ботинки. Расслабленную рыжую меховую шапку с развязанными ушами он держал в руках. Назвав мою фамилию, предложил выйти из комнаты и уже в дверях спросил:

Вы знаете, Витя пропал?

Как пропал?

Ушёл из дома, оставил плохую записку, что решил уйти из жизни... Вы что-нибудь знаете об этом?

На миг я потерялся совершенно. Своим лесоповальным видом он уже напугал меня, почему я забыл, либо не слышал первую его фразу, – замер, ждал в образовавшейся пустоте. Слова «Витя пропал» подействовали как катализатор. Неясная моя истома, нелепица и рассеянность предшествующих нескольких дней, смутные страхи поползшие было опять в груди, теперь, вдруг, моментально сгустились и вывалились в твёрдый наличный осадок истины: «его нет больше!»

«Нет-нет! Это совсем не обязательно», – была следующая шарахнувшая мысль, – «может он просто порвал с родителями, уехал куда-нибудь...»

Факт, однако, не уходил, тяжело, фамильярно, потянул вниз где-то под диафрагмой. Внешне я промычал что-

то невразумительное. Нервно закурил, зашагал взад-вперёд по коридору. Незнакомец следил за мной бесцветными пустыми глазами под стеклами очков.

Конечно, знал!... Хотя это только сейчас понял.... До этого было чувство, неопределённое чувство, понимаете!

Я сразу начал оправдываться.

А что вы знали? Он как-то готовился?

Незнакомец говорил скороговоркой, немного раскатывая «р».

Понимаете, шестого мы ходили в ресторан отмечать день рождения одного нашего приятеля. И, Витя вёл себя странно...

А что такое, – вновь перебил он меня, – он что-то сказал?

Он вёл себя необычно.... Понимаете, он вообще-то не пьёт, а тут запросил себе водки и пил.... Через силу пил.... Да, но самое главное! – Моя ладонь звонко опустилась на лоб, – я ещё раньше виделся с ним и уже тогда заметил...

У меня в голове произошёл тектонический сдвиг. Туман исчез. События предшествующих дней, – яркие и чёткие, – стали вылетать из кратера пробудившейся памяти, теснясь, слагаясь в лихорадочную, пляшущую цепь, которую я спешил выражать словами. Говорил торопливо, сбивчиво, боялся что-либо упустить или солгать, в паническом доверии к этому моему слушателю.

– Я позвонил ему пятого, чтобы договориться насчет дня рождения.... И сразу почувствовал: что-то стряслось. Знае-

те, такая мрачная решимость в интонациях... В общем, это не удивительно, – на него последнее время сыпалось... Вы знаете, что его отец ушел из дома?

Незнакомец отрицательно покачал головой.

– Шестого утром мы поехали с ним покупать подарок, и я его прямо спросил: «Что случилось?» Он не ответил, отшутился, но потом предложил купить довольно дорогую вещь... Мои деньги не хотел брать, сказал: «теперь это никакого значения не имеет»... Так и сказал, понимаете! Потом на работе у него сейчас неприятности были... Скажите, а как вы узнали об этом?

Незнакомец стоял, задумавшись, приоткрыв рот. Очнувшись, быстро посмотрел на меня, заморгал, скоро зачастил словами.

– Да, видно, он что-то задумал, хотя, я надеюсь, просто решил спрятаться где-нибудь, потому что решиться на это... Посидит какое-то время, может объявится... Ага...

Он замолчал, покивав этим своим мыслям.

– Да-да, может быть! – Я торопливо ухватился за первую возможность душевного успокоения. Но душа не верила.

– Иван Тимофеевич! – выглянула из дверей лаборантка. – Вас к телефону. – И участливым шепотом: «Из милиции звонят!»

Я прошел длинную долгую комнату, взял трубку. Твердый голос назвал мою фамилию, спросил про Витю.

– Да знаю.

– Иван Тимофеевич, Вы не могли бы подъехать к нам? Возможно, Вы были последним человеком, который с ним разговаривал.

– Хорошо, я приеду.

– Адрес знаете?

Записав, как найти отделение и фамилию следователя я вышел в коридор.

– Это сестра его заявила в милицию, – пояснил мне незнакомец. – А что, вы говорили, у него на работе?

– Он намучился с дипломом. Ему пришлось за год переквалифицироваться из биохимика в кибернетика, поднимать математику, осваивать язык, машину, причем, первое время были трудности со ставками. Вначале он числился простым лаборантом... И на скорой продолжал работать... Был увлечен своим шефом, предложенной темой, а тут, вдруг, разочаровался, ругал скотиной... В общем, последнее время на него сыпалось. Но вы не сказали, как узнали об этом?

– Мне позвонила его сестра. Он дома предупредил, что с вами, и с этим... Пирогом? У которого день рождения.

– Сергеем Пироговым.

– Вот, что поедет за город на все праздники...

Незнакомец сделал паузу, отметив вторично искреннее мое изумление. На моей памяти Витя никогда так не врал.

– А потом они нашли его записку, где, значит: «ухожу из жизни, простите...» И все такое.... Думаю, – перескочил

он опять, – он изберет себе какой-нибудь медицинский способ, если надумает, конечно, но скорее будет попытка, потому что, если серьезно решаться, так, ведь, это такая жуть!

Он вобрал голову в плечи, заморгал, задумался.

– Ваня, к телефону, – вновь позвали из лаборатории.

– Джон, это я, – сказал мне в ухо усталый тревожный бас Сергея. – Знаешь, Витя пропал?

– Знаю, тебе кто сообщил?

– Звонила Корякина, – назвал он нашу сокурсницу, – потом Лена, его сестра.

– Когда?

– Да еще седьмого вечером. Я же был у родителей. Ты когда видел его последний раз?

– Мы расстались в метро на «Третьяковской». Я поехал домой собираться, – у меня же самолет был! А он к себе. Ничего не сказал. Мрачный, конечно...

Мы помолчали. Сергей жил с родителями в пригороде. Накануне, после ресторана повез нас знакомиться к своей московской бабушке в Чертаново, у которой мы и остались ночевать.

– Бабушка знает?

– Я не говорил, но телефон трезвонит.... Догадывается.

– Н-да! Слушай, я сейчас еду в милицию. Вызывают. Потом позвоню, ладно?

– Ладно, пока.

Я отпросился у своего шефа, коротко объяснив дело. Ко-

гда мы сбежали по лестнице, незнакомец вновь обратился ко мне:

– А Вы...

– Слушай, – перебил я его, – давай на «ты». Чего уж теперь!

– Да, в самом деле, Матвей. – Он протянул мне руку. «Ну, конечно, Матвей», – подумалось мне.

В районном отделении милиции хлопали двери, звучали громкие голоса, торопливо сновали люди. На скамейке, поближе к батарее, расположились понурые неряшливые граждане с оплывшими лицами. Я назвал себя в окошко дежурному. Он указал глазами на открытую дверь, за которой кто-то громко кричал по телефону.

– Заявление есть, еще от седьмого... Я же говорю! А-а? ... Да, нашли... Что? Нет.... Не буду я этого делать! Да все сходится, – рыжий, молодой, ботинки на нем по описи!

Я оглянулся на Матвея. Открыв рот, подавшись вперед к двери, за которой слышался голос, он слепо искал меня рукою. Но я сам оторопел. В одну тошную секунду мир, качнувшись, стал другим. Невозможное, нависшее тенью над нашими головами, опустилось и стало рядом: тихо, прочно, навеки.

– Надо сестру вызвать, – продолжал доноситься голос. – Не слышу! Поедем сразу.... Это Черёмушки... Ладно, всё! А-а?... Сейчас беру машину.

В комнате бросили трубку, из двери к дежурному быстро прошел подтянутый милиционер средних лет.

Мы стояли и смотрели. Дежурный указал на нас.

– А, приехали, – повернулся он с дружелюбным видом. – Паспорта есть у вас? Ну, пойдите со мной.

Мы прошли в злополучную комнату, сели напротив него за стол.

– Так, – перевел он взгляд с одного лица на другое. Энергично выдвинул ящик стола. Достал папку с надписью «Дело». Вынул из нее фотографию, подал нам. Со снимка задумчиво смотрел Витя. В линии губ, в уголках рта едва приметный грустный след улыбки.

– Он?

– Он. Нашли его, да?

– Да. «Бюро несчастных случаев» сообщило. Повесился. Улица Островитянова, в Тропарево.

– Вы знаете, не нужно сестру вызывать. Мы опознаем труп. Мы медики.

– Друзья? – Милиционер внимательно посмотрел на меня, на Матвея и неожиданно спросил, – Молодой парень, двадцать три года и что с собой сделал?

Матвей молча разглядывал снимок. Я опустил глаза.

– Им будут заниматься в местном отделении. Сейчас поедем, передадим «дело», потом в морг. Да! При нем какая-то проволока была найдена. Никто не видел, он ее готовил?

– Нет...

– Простите, – подал голос Матвей, – можно прочитать его письмо? Оно у Вас?

– Можно.

Следователь порывисто протянул полоску бумаги, из тетрадного листа в клетку, аккуратно обрезаемую ножницами. Мы к ней так и припали. Своим крупным, размашистым почерком Витя писал:

«Я решил уйти из жизни. Простите меня. Понимаю, что прошу невозможного, но жить больше не могу. Ваш Витя».

Я разогнулся. Ответа на вопрос «почему?» не было, да и не могло быть, иначе не понадобилась сама эта смерть. Следователь еще что-то спрашивал незначительное и скоро попросил подождать, пока будет машина. Мы с Матвеем вышли на крыльцо. На дворе проглянуло солнышко. Закапало по-весеннему с крыши.

– Островитянова, дом 9, получается институт акушерства и гинекологии, – сказал я.

– Так он уже работает!

– Там с боку, со стороны леса еще строят. Чего он туда поехал? Там же общага...

– А он заходил в общежитие, кого-то искал. Его видели на вахте.

– Кто видел?! – Я резко повернулся к нему. Матвей даже заморгал от неожиданности.

– Я не знаю точно. Его не пускали, потом кто-то провел: кажется, девочки с вашего курса, с шестого этажа.

– Он туда заходил?

– Он постучался к Протченковым, ты их, наверное, знаешь по философскому кружку. Никого там не застал. Попросил соседей передать книги.

– И больше его никто не видел?

– Вроде нет.

– Это было седьмого?

– Да, вечером.... Значит, он или ночью, или восьмого утром, – Матвей значительно посмотрел на меня.

– Чего он туда поехал? Ведь там полно знакомых, а он уже со своим решением...

Я умолк, чувствуя вину. В тот вечер я сидел во Внуково, ожидая регулярно откладываемый рейс на Львов. День рождения не удался. Наша прежняя дружная студенческая компания в ресторане как-то не сложилась. Потратили кучу денег, безобразно намешали спиртного, заскучали. Собрались продолжить в общежитии, но и там было не весело. Поехали к Серегиной бабуле. Наутро она собрала нам отличный стол, и водка пошла хорошо. Все вакханты приободрились, Витя мрачновато шутил. Мы возвращались вдвоем, после полудня. Дорогой он замолчал. В метро меня потянуло в сон. Я попрощался сухо: «мол, не хочешь говорить – не надо!» Вышел, обернулся. Поезд тронулся. Витя жестко и безнадежно смотрел на меня через стекло вагона.

В аэропорт я приехал к вечеру. Щипался мороз, летали большие розовые снежинки. Вокзал был полный. Люди си-

дели на чемоданах, прислонились к стенам, стояли в проходах. Диктор перечислял длинный список откладываемых уже на сутки рейсов по «неприбытию самолета». Вся Левобережная Украина была закрыта облачностью. Я поначалу обрадовался: вот, еще довод для жены, почему не мог прилететь днем раньше. Гулял по залам, смотрел на публику, постоял в толпе под телевизором, пока закончилась программа «Время», затем удачно присел на освободившееся место, раскрыл томик Лермонтова. Читал рассеяно, прислушивался к разговорам, оглядывал проходивших транзитных пассажиров. Поднимался, вновь ходил после очередных неутешительных новостей. Постепенно внешние и внутренние мои впечатления стали присобираться, складываться со стихами и, наконец, потекли вместе с часами ожидания в некоторой отчетливой грустной тональности. Я легко пробегал, помню, страницу за страницей, опуская названия отдельных стихотворений, захваченный невесомым ясным ритмом. Музыка расставания, непризнанность таланта, безвременная чья-то смерть, либо моя, вынужденная сейчас разлука с семьей, размолвка с друзьями, может, еще что-то, – не знаю. Я сидел в сентиментальном трансе, в какой-то внимательной, открывшейся полноте своего присутствия, в разноликой вокзальной суматохе, в одиночестве, – слушал безнадежные объявления и глухой рев близких самолетов, от которых дрожала и вздрагивала в окнах освещенная бликами ночь. Несколько раз подходил к кассе возврата билетов,

смотрел на очередь, сомневался, вспоминая расписание поездов. Снова садился читать стихи, бродил в толпе, тянул время. Потом вдруг понял, что поездка сорвалась совсем. Уже под утро возвратился в Москву и теперь, вот, думал, как поступил бы Витя, зная об этом? Впрочем, не нужно преувеличивать, Джон...

Мы долго простояли с Матвеем в ожидании машины, и оба как-то примолкли. Молча, тряслись в милицейском «уазике» по пути через весь город. Потом еще долго ждали нового следователя и с ним ехали дальше в морг. Во мне опять разлилась пустота. Поглядывая на спутников, на заполненные людьми улицы, я уже не пытался сосредоточиться. Была тупая усталость и сильный голод; болела шея, затылок. Тускло было на душе, несмотря на яркое солнце. Под свитером абстрактно тукало чужое сердце. Я цепенел и периодически с треском зевал. Мне припомнился шоковый способ создания иммунологической толерантности, когда слишком большие дозы чужеродной сыворотки вызывают паралич иммунной системы: организм просто перестает отвечать. Подобным образом, наверное, сходят с ума.

Впрочем, тут была, своя идиотская логика. Судьба, ухмыляясь, забросила труп в морг нашего института. Витя присутствовал теперь в «родной анатомичке» в качестве экспоната. Здесь же располагалась кафедра судебной медицины. Хорошо, были праздники, избавившие разговорчивых студентов от впечатляющей встречи с примелькавшимся «ры-

жим парнем». Мы прибыли. Опять, очень долго с покорностью крепостных ждали в коридоре. Новый следователь, долговязый, худой с нездоровым желтым лицом грубо обругал дежурного доцента, который возмущался длительным пребыванием у них тела. Санитары бесцеремонно ходили между нами и говорили сальности. Кажется, были под хмельком. Доцент смешил девушку, выписывавшую справки в приемной, услышав, что «труп принадлежит вашему студенту» на минуту затих, спросил: «Что же он так?». Снял очки, протер халатом, очистительно несколько раз сморгнул и продолжил рассказ о какой-то праздничной телевизионной передаче.

Днем позже мне пришлось плотнее познакомиться с поэтикой работы в данной сфере обслуживания. Долгое оформление бумаг, трудные переговоры с персоналом всегда умеющим подчеркнуть свое достоинство, независимое от морального состояния клиентов. Неизбывные очереди и решающее влияние денег, в виду которых, вся эта громоздкая, мрачная машина приходила в движение, срабатывала быстро и четко, профессионально, обнаруживая неожиданные крупницы человеческого сочувствия, и совершенно особое матерное искусство переводить смерть в шутку.

Тогда, в морге, я чувствовал себя инопланетянином посреди этих разговоров, слушал раззявленную свою пустоту и ждал, когда все кончится. Наконец нас позвали. Труп лежал в холодной комнате прямо на истертом кафельном по-

лу. Пальто было распахнуто, руки, странно вытянутые вперед и вдоль тела, так и застыли на весу. Я сразу узнал белую кожу запястий с красноватыми веснушками, тонкие умные пальцы. Ноги беспорядочно разбросаны. Волосы в грязи. Синее лицо повернуто в сторону, и язык огромным черносливым вывалился набок, запекся кусочками кровавой пены. Глаза открыты, зрачки дико уперлись в разные стороны. Заглянув в них, я содрогнулся, потому что агония замерла в детском неопишемом ужасе, в вине!

«Витя-Витька! Разве можно так поругаться над собою...»
Моя пустота вновь взорвалась и рассыпалась хаосом сострадания и отвращения.

– Смотрите внимательно, не спешите. Он? – издалека донесся голос следователя. Он суетился, приподнимал закостеневшие руки, ворошил пальто.

– Да, Витя – сказал я.

– Да, – кивнул Матвей.

– Проволоку эту можете опознать?

Тут только я заметил кусок белой скрученной проволоки над черной полосой на шее

– Нет.

Мы вышли в приемную. Тяжело дыша, я зашагал взад-вперед по коридору: стены плыли у меня перед глазами. «Он испугался в последний момент», – остро щемило сердце. «Испугался смерти в ней самой, когда уже ничего нельзя было сделать... Он ее вызвал, а она его растоптала как

чудовищный зверь, как тупая машина...» И в то же время, какая-то горькая, сладкая правда обреталась во мне тогда, твердым насмешливым камушком...

– Кто из вас Ваня? – вновь окликнул следователь, стоявший у телефона – подойдите, тут отец звонит.

– Алло! – я усердно ворочал языком и ощущал острую неспособность целенаправленно мыслить.

– Ваня! Это Витин папа... Ваня!... – Пауза, вздох и срывающийся на фальцет голос на пределе дыхания, – Ты не ошибся?

Я тоже вздохнул.

– Никаких сомнений.

В трубке раздавались неясные звуки. Я молчал.

– Ваня! А где это?

– Это здесь, у нас... от Фрунзенской недалеко идти... Здесь легко найти...

– Най-ду, – голос пел и срывался в трубке, – теперь най-ду-у...

Разговор немного успокоил меня. Надо было давать показания. Какие? Что можно рассказать незнакомому желчному милиционеру о Вите, о его исканиях, о закономерном конце? Нужно ли?

Все оказалось проще. Вопросы следователя, сухие и формальные, требовали и формальных ответов. Кто такой, где проживаю, кем прихожусь «потерпевшему»? Какие видел у него приготовления? Тут я стал было неопределенно мы-

чать, вытирать ладонью лицо... Следователь нахмурился.

– Так. Ты проволоку видел?

– Нет, не видел.

– Прямые слова о готовящемся поступке слышал?

– Нет...

– Ну и все! – Он строго посмотрел на меня и принялся покрывать быстрыми каракулями разлинованный листок, озаглавленный «Опрос свидетелей».

Мы сидели на скользких скрипучих стульях в приемной морга. Скоро я подписал складной, ни к чему не обязывающий рассказ. С Матвеем он обошелся еще короче.

К метро мы шли вместе. Молчали. Следователь мягко попросил у меня закурить.

– Друзья?

– Шесть лет проучились.

Милиционер, ставший человеком, несколько раз глубоко затынулся, устало пожаловался.

– За неделю и три дня праздников у меня уже трое.

Что, тоже трупы?

– Один из окна вывалился, пьяный. Девка вены себе порезала, теперь еще ваш приятель.

Мы снова шагали в сумерках. У метро он пожал нам руки, ушел. Мы с Матвеем остановились, раздумывая, что делать дальше.

– Знаешь, надо, наверное, к его матери съездить, – предложил я. – Правда, совершенно не знаю, что говорить.

– Да, чего говорить? Надо побыть с ними и все. Ты знаешь, куда ехать?

– Я знаю телефон, сейчас спросим.

Дома у Вити я не был, как, впрочем, и другие ребята. Почему? Вообще, он не звал. Дима Захаров рассказывал, как однажды, еще на первом курсе они вдвоем, гуляя по Москве, прошли пешком из центра в Тушино. Так и вижу эту пару, – носатый длинный Димон, развязный, жестикулирующий, экстравагантный, изливающий мальчишеское самолюбие в бесконечном монологе, и рядом, потупленный румяный Витя с приветливым лицом. У метро он объяснил, как найти туалет, и попрощался. Квартира была в пяти минутах ходьбы.

О семье он говорил очень мало. Мама его работала много лет в Гастрономе на Смоленской площади, что сказывалось в ассортименте закусок на наших вечеринках в общежитии. Была бабушка, не забывавшая положить Вите в портфель бутерброд с яблоком и несколько театральных леденцов. Отец, если не ошибаюсь, был какой-то чиновник от науки со связями. Совсем недавно он проговорился о сестре.

«Представляешь, поднимаюсь, вчера по лестнице, а она уже жметя к батарее с мальчиком...»

«У тебя есть сестра?»

«Дура! Тринадцать лет... Тряпки! Пластинки! Учится правда отлично, как и я...», – он захохотал, заметив скепти-

ческую мою физиономию.

«Это у вас семейное, Вить!»

Теперь, вот, приходилось знакомиться в посмертной необходимости.

Дверь открыла девушка, небольшого роста, худенькая, с острыми светлыми ресницами, рыжеватая и как-то неудачно похожая на Витю.

Она хлюпнула носом и посторонилась, пропуская нас в дверь.

– Вы Лена? Я – Ваня.

Она пожала мою руку, скорбно покивав головой. Из кухни выбежала маленькая сухонькая старушка в очках. В дальней комнате на диване трудно приподнялась женщина с полотенцем на лбу.

– Лена! Вы знаете, его нашли, – успел я сказать.

Она сморщилась, зажала пальцами покрасневший нос. В глазах показались усталые слезы.

– Да, – прошептала она, – нам позвонили. Мы все знаем.

Я облегченно вздохнул.

– Ваня, милый! – бабушка взяла меня за руки, оглядела через очки. – Вот, и пришлось, как познакомиться. Столько раз я ему говорила: приведи ты своих друзей. Они же в общежитии одни, без родителей, не емши, поди... Сережу, Ваню позвал бы в какой день... Все обещал, обещал, а теперь, вот... Ох, Господи! Что же он такое натворил, Ваня, а?

– Зови их сюда, мам. – Голос из комнаты был высокий,

сильный, горестный.

Мы разулись, прошли, сели на стулья возле дивана. Светлые волосы, правильные черты крупного, открытого белого лица, с которого можно писать русскую женщину. Совсем мало Витиного.

«Мама моя, она же все понимает, чувствует», – услышался во мне его голос. Он ее любил, конечно. Рассказывал про нас. Интересно, что видела она?... Что-то, конечно, видела...

– Я тебя, Ваня, таким и представляла, только еще заросшим. Подстригся, как женился? – Она слабо улыбнулась.

– Да, жена следит за моей внешностью, – поспешил я ухватиться за этот контакт в вакууме. Но она медленно поправила локоть на подушках, повернулась к Матвею.

– А вы тоже учились с Витей? Как вас зовут, простите?

– Матвей, – он хрипло откашлялся и далее отвечал, приняв нарочито обыденный тон. – Нет, мы познакомились на кружке по философии недавно.

– Я Нина. Нина Васильевна. Я знаю, последнее время у Вити появилось много новых друзей...

Она помолчала, глядя на нас, как бы что-то обдумывая.

– Ну, как же так вышло, скажите, ребята? – произнесла вдруг тихо и страшно.

Бабушка с Леной остановились за моей спиной. Я быстро заговорил, только чтобы что-нибудь говорить, на ходу сообщая приемлемую версию.

– Ох, не знаю, как так получилось! Перед днем рожде-

ния мы виделись в последних числах октября. Я переезжал на квартиру из общежития, просил его помочь...

– Да-да! – с готовностью наперебой обнаружили бабушка с Леной. – Он ездил. Вернулся поздно, уставший, но довольный, такой...

– Да, я помню, он был доволен, что я его вытащил.

– Ваня, – перебила меня Нина Васильевна, – ведь он совсем не отдыхал. Сидел – сиднем, и читал, читал эти свои книжки. После двенадцати ложился, а в шесть уже на ногах, пьет кофе.

Я понимающе кивнул.

– Но тогда я ничего не заметил, а вот когда звонил пятого, чтобы договориться насчет дня рождения, то, честно говоря, сразу почувствовал... Знаете, тон какой-то мрачный... И в ресторане он был не в себе. Я потому хотел вас спросить: у вас дома ничего не стряслось перед праздниками?

Нина Васильевна и Лена недоуменно переглянулись.

– Да, кажется, нет.

– Он последнее время часто мрачный был, Ваня, – вступилась бабушка. – Нароботается в институте, да читает до полуночи, – куда же годится? А еще дежурил на скорой помощи – то!

– Знаешь, Ваня, – веско произнесла вдруг Лена, – брат иногда теперь грубо вел себя даже с мамой. Она зайдет к нему в комнату за чем-нибудь, он сидит, молча с недовольным видом, ждет. Потом как скажет голосом таким грубым:

«Скоро ты там? Ты мне мешаешь!»

Я быстро взглянул на Матвея. Что-то темное и старое было в его лице.

– Да – нет! – поморщилась Нина Васильевна. – Грубым со мной он никогда не был. Уставал очень, это правда. Учеба, работа, дежурства ночные, книжки, музыка... Все лето здесь просидел. Говорила я ему: «Давай возьму путевку, съезди на юг, – отдохни...» Нет!

– А какая музыка?

– Как какая? Пианино... Он же играл на пианино... После стройотряда пришел и заявил нам: «Хочу купить пианино». Вы тогда ездили в Тамбовскую область. Он что, не говорил тебе?

Я изумленно покачал головой.

– Купили тогда, разорились. Он ходил в клуб, здесь у нас, брал уроки. И каждый день играл часа по два, три, четыре! Этот год немного забросил, а так уже хорошо играл Моцарта, Гайдна, Баха. В консерваторию ходил все время. Купил себе абонемент и ходил...

Это была новость. А, впрочем, – «Джон! Ты хотел бы играть на каком-нибудь инструменте? М-м, что ты! Такой кайф самому играть» – и нервные пальцы словно пробежали по клавишам.

Тем не менее, я не знал. Три года, значит, как это длится и никому ни слова. «Будешь писать ораторию «Происхождение Вселенной», – мог бы проникновенно спросить его Пи-

рог, а я бы, конечно, рассмеялся. Но все-таки...

– Он, наверное, хотел сначала совсем хорошо научиться, а потом бы показал, – угадала бабушка мои мысли.

– Никогда бы не подумал. Ну ладно. Скажите, а с отцом у него, какие отношения были? Он мне говорил, что отец от вас ушел...

– Да, отец нас бросил, – вздохнула Нина Васильевна. – Нет, сейчас он бодрился, шутил даже, хотя, конечно, переживал. «Ничего» – говорит, – «переживем, мам».

Она очень удачно воспроизвела Витин басок.

Я осторожно улыбнулся.

– То есть сейчас они не поссорились?

– Нет. Знаешь, он с отцом не дружил. Маленьким, на даче, – да, – они много вместе гуляли, клетку мастерили для кроликов... Он же у нас юннатом был, – тащил с улицы всякую живность. В клуб ходил при зоопарке.... Вон, видите, стоит с ужом на шее.... Достань, мам.

Лена опередила бабушку, вынула из-за стекла серванта цветную фотографию. Рыжий, конопатый пионер застенчиво положил себе здоровую змею поверх галстука. Я передал снимок Матвею.

– А в последние месяцы отец приходил к нам поесть, поспать... Денег, правда, приносил, – считал себя обязанным. И все ездил в командировки. Потом оказалось... Ладно, что теперь говорить об этом...

Приемлемая версия случившегося тем временем отчетли-

во сложилась у меня в голове.

– Да, много ему пришлось пережить за этот год, – начал я нетвердо, – но, самое главное, что он не хотел делать себе никаких послаблений или даже не мог...

Я попробовал взглянуть в страдальческие, распахнувшиеся каким-то девическим ужасом, глаза Нины Васильевны.

– Видите ли, мы биологи... жизнь любим, пока что, и даже пытаемся ее серьезно изучать. Надеемся, по крайней мере, – я оглянулся на Матвея.

– Когда мы поступали в институт, была мода на биологию и вера в точные науки: химию, физику, математику... Большие люди, организовавшие наш факультет, желали подготовить специалистов, знающих и то и другое. Наши преподаватели убеждали нас, что мы будем работать на стыке наук и решать фундаментальные проблемы биологии и медицины. Реклама была хорошая. На деле, конечно, все выглядело иначе. Жизнь и здоровье, несомненно, не укладываются в представления естественных наук, – мы это хорошо поняли по мере учебы. К тому же познакомились близко с весьма безрадостной картиной нашего здравоохранения и медицинской промышленности. Реальная жизненная перспектива стала вырисовываться довольно прозаическая. Нужно получать диплом, ученую степень и трудиться потихоньку на каком-либо приличном месте, оставляя все заявленные громкие проблемы для досуга, либо для выездных товарищей... Большинство наших ребят, и я, в том числе,

так и поступили. Витя же, особенно после встречи с Яковом Михайловичем, решился продолжить поиски. Он заинтересовался математикой, кибернетикой, также гуманитарными науками, потому что любой ученый остается человеком, у которого есть логика, психика, определенная социальная жизнь.... То есть, тут еще целая куча дисциплин образовалась в дополнение к учебе. А он же все делал добросовестно, и так продолжалось годами, по нарастающей.... Только для диплома он в несколько месяцев освоил программирование, машину, в совершенно новый коллектив вошел, – это же огромное напряжение! Философию штудировал постоянно. Еще музыка тут.... На занятиях после дежурства он засыпал, а чуть свободная минута, – смотрю, уже открывает книгу со специальной статьей.... На работе у него началось с недоумений, дома – отец ушел...

Я почти верил тому, что говорил, размахивал руками и интонациями. Другого мнения у меня тогда не было, только в неисповедимой глубине «живота моего» намечался уже иронический и прохладный сквознячок. «Смерть – это смерть, Ваня, и переход любого количества жизненных неурядиц в ее черное страшное качество всегда будет непостижимым кувырком через голову...»

Лицо Витиной мамы, между тем, сделалось серьезным и очень честным. Я умолк, чувствуя пожар на скулах.

– Я же ему говорила, Ваня, все время говорила, чтобы он отдохнул, просто выспался! Он же меня не слушал! Обрадо-

валась, когда он сказал про день рождения Сергея... Но, ты говоришь, в ресторане он был не в себе?

– Да, мрачный был. Смеялся через силу. Водку пил.

Бабушка ахнула.

– Он же ее в рот не брал никогда!

– А тогда сам просил у меня, и я наливал... Потом его тошнило.

Нина Васильевна совсем побелела.

– А он седьмого приехал веселый, – вмешалась Лена. – Песни пел. «Идите – идите, погуляйте» – все выпроваживал нас, довольный, такой!

Предо мною мелькнуло потемневшее, закрытое глухой решимостью, лицо Вити в вагоне метро.

– Он переоделся, – продолжала Лена, – надел все старое, – пальто, ботинки. Сюда положил на сервант ключи и сорок рублей денег. Из книжки телефонной вырвал все номера, оставил только рабочий и написал: «Сообщить на работу».

– Мы же никому не могли дозвониться, – всхлипнула Нина Васильевна, – ни одного телефона не оставил...

Раздался звонок в дверь. Бабушка впустила женщину, примерно одних лет с Витиной мамой.

– Ну как Нина? – слышали мы приглушенный голос из крохотной прихожей.

– Проходи сюда, Кать, – позвала Нина Васильевна. Это была ее сестра. Мы познакомились. Я повторил вкратце, немного другими словами, ту же версию. Матвей ничего

не добавил, пояснил только, что они с Витей знакомы недавно, занимались вместе философией и религией. В частности Библия, которая осталась среди книг в общежитии, принадлежала ему.

– Скажите, Матвей, а он не мог сделать это из-за какой-нибудь религии? – боязливо спросила Катерина Васильевна.

– Что вы! Нет, конечно! Как раз верующий человек никогда так не поступит, потому что лишиться себя жизни – очень большой грех. Нет – нет! Точно не поэтому!

Внешний облик Матвея внушал, по-видимому, некоторые опасения, но говорил он убедительно, с искренней скорбью. Этим и удовлетворились. Витина тетя оказалась деловой женщиной. Тактично, негромким голосом, четкими словами она повела речь об организационных мероприятиях и скоро завладела общим вниманием. Документы соберет отец, с транспортом уже решили. Поминки здесь, освободим комнату, поместимся. Главное, – место на кладбище, завтра буду звонить замначальнику отдела, чтобы похоронить Витю не далее как послезавтра.

– Сами понимаете: чем быстрее, – тем лучше. Каждый лишний день будет убивать ее, – пояснила она мне.

Все верно. Мы стали собираться. Я попросил взглянуть на Витину комнату. Это была узкая девятиметровка прямо напротив входной двери. Кровать, секретер вместо письменного стола, пианино, книжные полки. Идеальный порядок

и буквально два-три метра свободного пространства. Единственный круглый, вращающийся стул. Мы оба с Матвеем не нарочно припомнили «шкаф» Родиона Раскольниковова. Когда одевались и прощались в тесном коридорчике, в большой комнате на диване оставалась одна тетя Нина. Уже выходя из квартиры, я оглянулся и увидел, как она обессилено упала головой в подушку и затряслась в рыданиях.

Эх, Витя, Витя...

Я возвращался к себе ночью. Жена за неделю до праздников срочно уехала к родителям, где заболел наш маленький сын. Я хотел лететь следом, на выходные, но погода или какой-то рок помешали. Два дня пытался читать, немного гулял по городу, теперь, шатаясь от усталости, со звоном в голове брел темными безлюдными дворами. Мысли вяло путались. Несколько раз я останавливался, вопрошая себя: что же все-таки произошло сегодня? Ответа не находил, — то ли не было сил думать, то ли не существовало его вовсе.

Странное дело, но, если честно, я оставался внутренне совершенно неповрежденным, спокойным или равнодушным, пожалуй! Правда, вот сегодня целый день ездил, говорил, думал, как никогда, а остался в итоге с чувством непоколебимой целостности в душе или какой-то внешности происходящему, не знаю. И, что я за человек такой? Раньше у меня случались нравственные промахи, конечно, но я не терял надежды, уверенности в собственной человечности, по-

рядочности что ли, которая еще обнаружится когда-нибудь в трудной по-настоящему ситуации.... Вот она, такая ситуация! А я равнодушен либо слеп.... И какая-то баба полуголая периодически начинает скакать в голове... Черти что! Надо бы, наверное, пожалеть Витю, а жалости большой нет. Все как-то очевидным стало, само собою разумеющимся. Кого-то жалко, несомненно, только непонятно кого: его, родителей или себя? И почему же я сам не отчаиваюсь? Разве Витина смерть не мое личное дело? Разве в ней нет жестокого указания на мою неотвратимую кончину, с которой он меня поставил впритык, нос к носу! Но я, правда, ничего не могу различить здесь, хоть тресни! Пусто и темно и вроде бы ничего особенного.

Я устал думать и волноваться, шел дальше, но, сделав несколько шагов, возвращаясь в свой обычный мир, довольно приятный и интересный, различал там несомненный зловещий уклон к линии горизонта.... Вот жизненная плоскость, полная различных нагромождений, уступов, зацепок, ориентиров естественного либо искусственного происхождения, больших и малых.... Так, когда стоишь где-нибудь среди них, кажется все прочно и стабильно. Но стоит двинуться с места, как начинаешь скатываться вниз. Как в детском бильярде, металлический шарик обходит выигрышные лунки, перепрыгивает через препятствия, разгоняясь быстрее – быстрее проскакивает через воротца, въезжает, наконец, в бесполезную мертвую зону, где и останавливается,

поколебавшись туда-сюда, блеснув инертным металлом. Мы все туда едем. Сползаем на задницах все вместе, сосредоточенные на малых перемещениях в походном, так сказать, строю почему, обыкновенно, теряется ощущение глобального движения. Чувства нет, но движение есть, чего бы мы, ни городили на своем пути. Что с этим делать? Как – нибудь, потом? А, почему потом, что потом? И разве нельзя подобрать способ побыстрее, почище и, таким образом, предупредить «естественный процесс»?

Я встал под фонарем, подняв голову, мучительно вглядывался в истекающий мертвый свет. «Что, Джон, – хана?» Ответом было молчание тошнотворной голодной усталости. Я покорно опустил голову, рассматривал свои модные ботинки, думал про еду, про жену, о том, что надо не забыть, забрать белье из прачечной... Изумляясь себе, брел дальше.

Я ввалился в квартиру, сбросил одежду, умылся. Поздоровался с подозрительной, высунувшейся соседкой, полез в холодильник. У себя в комнате включил телевизор, с аппетитом ел. Потом провалился в крепкий, крошечный сон.

Похороны состоялись скоро, на третий день. Мы с Сергеем помогали в хлопотах отцу. Рано утром привезли гроб в морг, отдали санитарам. Разложили венки в траурном «Пазике». Вынесли и поставили туда тело. Понемногу подходили родственники, коллеги, знакомые; постепенно набралась небольшая толпа. Ждали мать с группой ближайших род-

ственников.

Отец, небольшого роста, коренастый, рыжеватый, веснушчатый, был очень похож на Витю. Вернее, Витя на него. Держался он собранно, делал четкие продуманные распоряжения, так же взвешенно, спокойно изложил свою версию случившегося.

– Витя обладал большим самолюбием. Гордость заставила его буквально измотать себя, но главное, он вынужден был признать где-то несостоятельность своих попыток в тех задачах, которые он перед собой ставил. Получилось противоречие, в котором опять-таки победили гордость и самолюбие, ... Верно, я понимаю, Ваня?

– Да, пожалуй.

Я вглядывался в Витины черты его взрослого, явно семитского лица и думал, где же тот человек, который плакал в трубку телефона:

«Най – ду, теперь наай – дуу!»

Мать ждали долго. Шофер автобуса периодически начал громко материться, но быстро стихал, – ему совали деньги. Люди расположились малыми группками, вели приглушенные разговоры.

– ... такой поворот, в котором субъект ставит себя в центр мира и всеми силами, вплоть до самоуничтожения, призывает этого мира внимание, имел здесь, по-видимому, место... – рассуждал бородатый, ученого вида родственник в замшевой кепке.

– Точно, он всегда был интроверт, – соглашался Султан Насыров.

– Ребята! Сережа! Ваня! Вы смотрите за мамой, – схватила мою руку Витина тетя, – у нее сердце на пределе, на одних таблетках держится...

– Слушай! Ну, чего он искал в общаге?

– Может просто, книги хотел отдать...

– Книги можно было и так передать с кем-нибудь. В таком состоянии не до книг.... Плевать на книги, в конце концов!

– Ваня! А у него не было никакой девушки? Может, все-таки был кто-нибудь? Потому что уж очень дико все! – Матвей явно замерз, говорил скороговоркой, пританцовывая на месте.

– Вряд ли. Хотя я точно не знаю.

– Ну, подождите же еще немножечко! Маму ждем! Маму этого мальчика, – успокаивали вновь заматерившегося шофера.

– Вон едут.... Наши едут!

– Приехали.

На другой стороне улицы мягко остановился «Икарус». Дверь, видимо, некоторое время не открывалась. Неожиданно, сзади автобуса появились несколько женщин в трауре. Одна держалась чуть впереди, остановилась на проезжей части, елобги. ну, о том, что надо не забыть, забрать белье из прачечной... оглядывалась, неловко отстраняя протянутые к ней руки. Остановился подъехавший пустой троллей-

бус.

«Нина, Ниночка, сюда пойдём, в другой автобус... Его уже перенесли», – слушали мы. «Пойдём, родная, пойдём, хорошая!» Витина мама что-то говорила, продолжая бороться в беспамятстве, затем, вдруг, осела на асфальт и гневно хрипло закричала: «Отдайте мне моего сына! Отдайте! Отдайте... м!

Женщины заплакали, заголосили, силясь поднять её. «Солнышко моё! Деточка моя, где ты?» – резанул новый истошный пронзительный крик.

Я очутился среди окруживших её людей. Вместе с каким-то мужчиной мы подняли грузное бившееся тело, семеня, побежали в автобус.

– Ваня, это ты! – узнала она меня страстным шепотом. – Я знаю, ты его лучший друг... Ты – мой сын! Приезжайте ко мне, будем жить вместе. У нас места хватит. Кому теперь эта квартира!

– Хорошо, хорошо, – бормотал я в тесных, тяжких объятиях.

Меня освободили. Ей сунули в рот таблетку седуксена.

– Садись, Нина, садись, – просил мужчина в слезах. – Все будет хорошо...

– Витенька, сыночек, – перешла она на скорбный бабий речитатив. – Вот тут, возле тебя, я сяду...

Автобус сразу поехал, и движение с рывками и грохотом было целительно для всех.

– А как же так вы закрыли его от меня, не дали посмотреть... Откройте, дайте...

Она сидела в изнеможении у изголовья красно-бархатного гроба, закрыв глаза, – обезумевшая от горя, седая старуха. Родственники плакали. Лена плакала напротив меня, содрогаясь и безвольно качаясь в трясущемся автобусе. Остервенившийся «шеф» гнал, насилуя коробку передач. Султан рядом со мной низко склонил голову с гримасой боли.

На кладбище мы вытащили гроб, поставили на предусмотренные большие сани, скорым шагом повезли, следуя за отцом. Известие о смерти разошлось в институте: студенты, преподаватели, поджидавшие нас у ворот, двинулись за нами, послушно ускоряя, увеличивая шаги, вытягиваясь в длинную процессию. Возле могилы гроб открыли. Ждали пока подойдут все. Санитары «родного морга» хорошо потрудились. Язык убрали, пятна припудрили, подкрасили, руки аккуратно сложили на груди. Только волосы, напомаженные и причесанные, немного скособочились по дороге. Живые разглядывали маску с чуть оскаленными зубами, смертельно запавшими щеками, с трудом узнавая Витю. Бледные девчонки вцепились друг в дружку. Марина Казакова в ужасе зажала ладошкой рот. Светило яркое солнце, блеснул скрипел свежий снег. В молчании, в редких всхлипываниях поднимался пар над обнаженными головами. В освобожденном проходе медленно подошла мама. Невероятно маленькая, с землистым лицом, она отрицательно повела головой

и качнулась в снег. Её поддержали. Мужчина из родственников поспешил выйти с речью. Выступлений оказалось много, – от имени друзей, от коллег по работе, просто от себя.... Говорили спокойными и срывающимися голосами, звучно или совсем невнятно, но большей частью искренне, – говорили о том, каким он был: хорошим сыном, другом, честным человеком, веселым, талантливым парнем.... Потом наскоро стали прощаться. Словно осенние птицы, неровно заголосили женщины, сломлено закричала мама. Её подвели и опять усадили на складной стульчик. «Прощай, сынок», – склонился отец. Долго подходили люди. Я тронул губами холодный лоб. Целеустремленные мужчины, вежливо отеснив толпу, накрыли гроб крышкой, наперебой застучали молотками. Все пришло в катастрофическое движение. Ящик неловко стукнул в дно ямы, гроыхнул, высвобождая веревки. И тут же полетели мерзлые комья, из-за спин, между ног водопадно хлынула земля. Четверо могильщиков с лопатами, придвинувшись, в считанные минуты насыпали аккуратный холмик, тщательно уложили венки. И снова Вити не стало.

– Ты убил, ты! Все теперь знают.... Будь ты проклят! – неожиданно зло закричала Нина Васильевна, поднимая руку.

Я посмотрел вслед и увидел в группе людей быстро удаляющуюся фигуру отца. Он так и не обернулся.

– Прекрати, Нина! Не нужно.... Нельзя... – Её как-то уня-

ли и тоже увели.

Откуда-то появилась водка, соленые огурцы. Все стали пить по «старинному русскому обычаю», как пояснил мне выступавший первым краснолицый мужчина, наливая в свой стакан. Я проглотил безвкусную жидкость. Могильщики, пожилые, небритые, в телогрейках, грязных сапогах стояли рядом с сеткой той же благодарности. «Ишь, молодой, какой парень-то... Гляди, сколько ребят», – сказал один, указывая на меня заскоружлым пальцем. «Хватит вам водки?» – спросил я. «Да ты пей, сынок, сам... закусывай, закусывай...» – загалдели они. – «Мы потом пообедаем...»

То ли от водки, то ли от этих слов, я почувствовал тепло, растекавшееся в груди, где холодный, ясный пламень выжигает за несколько дней мои внутренности. Тепло поднялось к горлу, заполнило туманом голову и горячими слезами полилось из глаз. Потихоньку, под карканье ворон в белоствольных берёзах, над заснеженными крестами народ потянулся к автобусам.

Отступление первое: Небольшое рассуждение.

Самоубийство, читатель, таков, к сожалению, грустный предмет нашей повести. Сейчас для тебя наступает важный момент: нужно решить, будешь ли ты читать дальше? Понимаю, что тема тяжелая, изложение, наверное, оставляет желать лучшего. Тем не менее, хочу привести некоторые сооб-

ражения, побудившие меня завершить эту работу.

Первое, о чем следует упомянуть, – моё положение близкого человека. Витя, правда, умер, покончив с собой, можно сказать, на моих глазах. Я не думаю, что кто-либо ещё возьмет на себя труд написать о нём, особенно о последних его годах. Но сделать это, наверное, надо. Необходимо.

Второе – то, что Витина смерть очень многое сдвинула во мне самом. Многие важные темы, которые мы начинали обсуждать вместе, так и остались бы не проговоренными, затерялись в повседневной мелкой злобе дня, если бы не эта твердая Витина точка в итоге его жизни. У меня был хороший костыль для перехода последовавшего скоро рассеяния смутного времени, также поднакопилось немало личных наблюдений, относящихся к области аскетики, либо искусства жизни, если угодно. Что мы знаем об экзистенциальной устойчивости нашего сознания? Существует ли логос отрицания человека в человеке, неизбежно обнаруживающийся в определенных условиях? Всё это не праздные вопросы. Здесь вообще целое дело для разного рода смелых людей, русских либо иностранных добрых молодцев, отправлявшихся от века в неведомые края бороться с чудовищами... А тут всё под боком, можно сказать, под ребром.

И последнее, очень болезненное для меня: как соотносить смерть с семьёй? Совсем отмахнуться нельзя: эта штука будет гулять на свободе, словно какая «пуля-дура», что, пожалуй, страшнее многих других наших опасностей. К тому же

безответственно. Детям, что, скажем: веселись юноша, а потом неопределенного вида чудище сожрет тебя с потрохами, – к сожалению, мы живем с ним в одном помещении...

Ну вот, пока что такие доводы. Кто желает познакомиться с Витей поближе, – вперед. Дай, Боже, памяти...

Глава II. Смешное

Первые сентябрьские дни 1974 года запомнились солнышком. По утрам на холмах Юго-Запада продувал свежий ветерок, но днём, в центре города среди камней, пекло полетному. Студенты разоблачались.

Я успешно сдал вступительные экзамены, триумфально съездил к родителям в Белоруссию и, теперь, прибыв к месту назначения, оглядывался по сторонам, готовый пить и обнимать эту блистательную столичную студенческую жизнь со всей отвагой семнадцатилетнего своего возраста. Также тихо изучал огромное расписание учебных занятий, прикладывая будущие знания к сердцу.... Те дни, сливающиеся ныне в памяти ярким слепым пятном прямого взгляда на солнце, уже содержали огненные искры Вити...

Взгляд мой, впрочем, тогда, не отличался оригинальностью. Своенравный, прихотливый, невесомо-скользящий по поверхности вещей и одновременно цепкий, жадный, избирательно проникновенный взор очень молодого человека, не без способностей, вдохновленного собой и новыми, совершенно открытыми, как мне казалось, перспективами вселенской жизни. Робел я, также, порядочно, но виду, разумеется, не показывал. Преподаватели и старшекурсники представлялись существами загадочными, непостижимыми. Студенческие билеты нам выдавали торжественно в помеще-

нии Центрального Дома Железнодорожника. Выступал ректор, пожилая дама из горкома партии, чиновник из Минздрава, другие важные люди. Затем оживленная празднично настроенная толпа заполнила фойе, устремилась к закулочным лоткам. Ждали концерт. Первокурсники обступили большие покрытые зеленым сукном столы с названиями факультетов. Я встал в очередь, посматривал на интересную девушку в строгом костюме, с какой-то сложной прической, которая красивыми пальчиками быстро перебирала стопку новых раскрытых корочек студенческих билетов под флажком с номером моей учебной группы. Рядом небрежно сидел парень в тенниске, в джинсах, крутил в руках и щелкал металлической зажигалкой. Пачка «Marlboro» лежала перед ним на столе.

– Так, это кто у нас? – спросил он меня.

– Карпович, 183-я.

– Карпович, – Карпович... Иван Тимофеевич, биохимик... Есть такой. Ваш билет, учетная карточка, значок. Заполните, сдадите в деканат. А здесь, пожалуйста, Вашу подпись.

– Вы не знаете, стипендию мне дадут?

– Гм... Финансовый вопрос очень сложный. Это, наверное, не к нам... А вы, сколько баллов набрали?

– Двадцать три.

– О! Тогда вне всяких сомнений. Не волнуйтесь. Все, поздравляем Вас! Леночка, будут вопросы к перспективному

молодому человеку?

– Вы в общезжитии будете жить? – Большие строгие глаза поднялись и на минутку остановились на моем лице.

– Нет, – от неожиданности я захрипел, – сказали, только на следующий год места будут...

– Все равно увидимся, – она вдруг запросто улыбнулась, растянув подкрашенные губы.

Первые лекции на факультете, прочитанные разными заслуженными людьми, предварялись чинным рассаживанием тщательно одетых девчонок, громкими криками каких-то развязных ребят. Одинокие студенты с независимым, либо скованным видом проходили зал в поисках места. Это было целое действо. Незабываемая чередка юных лиц, поз, глаз, из которого я выхватывал отдельных, замечательных персонажей...

Высокий, худощавый застенчивый Петя Демидов... Два умника: хореидально-беспокойный, ужимковатый Максим Кошкарев и скептический очкастый толстяк Воропаев Геня, вечно что-то доказывающие друг другу в дымке гениальности... Подведенные, под низкой челкой черно-непрозраемые глаза Риты Левертовой; покрашенный рот. Давид Мтевосян, конечно, рядом с сиятельной золотозубой улыбкой... Левисовский, благородный, глубокой заокеанской синевы джинсовый костюм, ремни, платформы, бляхи ленивого разгильдяя Ильи Маркова... Грациозные стройные ноги некарасивой Иры Чулковой. Нора Залтф, искалеченная,

маленькая её подруга с небесно-чистыми глазами... Султан заявился в черном костюме, при галстуке, в большой компании земляков, – этакий просвещенный восточный царедворец с безупречными манерами... Бесхитростный рыжий добряк в светлом клетчатом пиджаке и темных брюках...

И дальше в группе, продвинутых девчонок нет! Мечтательно-важный Рома Протченков со стихами в голове и пышной шевелюрой. Два «лопуха», – один с Волги, другой из Соль-Мончегорска, уже соединившиеся в дефективную пару. Лысый Сергей Пирогов, вроде ничего, приколистый парень. «Товарищ, а вы из армии?» «Нет, я из других мест», – и не выдержал интонации, рассмеялся отличными зубами. И рыжий тут.

Семинар по английскому недели через две после начала занятий оставил первый рельефный отпечаток в памяти... Преподаватель, маленькая вежливая женщина, делает третье замечание студентам за последним столом. «Ребята, вы, правда, мне мешаете!» Я оборачиваюсь вместе со всеми. Откинувшись в тень, развернув щетинистый череп, честно, прямо, серьезно смотрит Пирог. Лучи солнца ярко высвечивает сидящего рядом: спрятав лицо в руках, накрывшись шапкой сверкающих огненных волос, он давится смехом. Сергей доверительным басом сообщает, что у них, собственно, ничего не происходит, и, скривив рот, отпускает последнюю кульминационную фразу из недосказанного анекдота в сторону изнемогающего соседа. Тот сползает под стол,

всхлипывает, стонет, храпит!

– What!...What has happened? Are you ill? – Участливо восклицает преподаватель под дружный смех группы.

– No, sorry. I am just fine. – Выпрямляется красный, помятый Витя.

Или вот, сюда же, немногим более поздняя картинка... Мы в подвале, в буфете, дожидаемся пищи от «мамы Рины». Она и повар, и продавец и человек! Работает давно, всех знает. Готовит вкусно, но немного. За час-полтора основной массив снеди исчезает, остается еще кофе с выпечкой, но тоже не на долго, – кто не успел, тот опоздал. Впрочем, имеются vip-клиенты, – профессура, женщины из деканата, завхоз, какие-то загадочные студенты, которые обслуживаются во внеурочное время, либо вне очереди забирают выделенные порции. Итак, мы уже протиснулись в крохотную комнатку. Рената Марковна добавляет в подливу болгарский перец и специи. Кофе варит сама большой жбан, разливает в стаканы в железнодорожных подстаканниках, бросает сверху лимон. Все свежее, пахнет умопомрачительно и сокогонно. Сама нетороплива, объемна, величава. Строга. В коридоре за нами шумный хвост очереди. Здесь размеренная тишина и сосредоточенные глотательные движения.

– Джон, – шепотом говорит мне Витя – что у тебя за рана на носу?

– Порезался сегодня, представляешь?! – Шепчу я ему в ухо. – Один волос вылез, вот здесь. Скоблил-скоблил, из-

ворачивался перед зеркалом, неожиданно по ноздре – чик! – Я подскочил на месте, изображая свою реакцию. – Болит, зараза.

Витя немедленно послушно согнулся в поясе и завыл. Глядя на него, засмеялись другие студенты.

– Молодые люди, я не буду отпускать, – остановила свой плавный ход буфетчица. – Хотите веселиться, идите на улицу.

Испуганные, мы послушно утихаем. Один Витя, невидимый, продолжает беззвучно содрогаться в ногах.

– Джон, ты его вовремя сразил, – улыбнулся Сергей, когда «владычица» отвернулась. – Могли бы остаться без кофе.

Рома Протченков на поминках произнес хорошую фразу: «Был он рыжий, с улыбкой на устах». Если коротко, лучше, наверное, не скажешь. Смеялся Витя, правда, легко, хохотал, широко открыв рот, толкал кулаком плечо виновника смеха, согнувшись, приседал, «придерживая животики»... Волосы у него были не красные, но скорее желтые с блеском, – была их копна и под нею румяная, добрейшая физиономия. Впрочем, уже на втором курсе он похудел, коротко подстригся под Иакова, обнажив высокий лоб, который сразу вытянул и нагрузил интеллектом его лицо. Румянец, игравший сначала на пушистых круглых щеках, обратился со временем в мимолетную нервную тень на проступивших скулах. Глаза имел небольшие, серые, способные мягким стесненным прикос-

новением встретить ваш взгляд. Нос тонкий, прямой и тяжеловатый подбородок с неожиданно толстыми губами, – «губищами», как он их сам обзывал, выпячивая, придерживая кусочки крошащегося песочного печенья, что мы проглатывали за кофе в буфете. Ел, всегда со вкусом, хищнически покраснев. Ступал широко, размахивал руками, наклоняя вперед лобастую голову. Вообще фигурой статной не располагал: узкоплечий, широкобедрый, но крепкий, среднего роста – домашний и лишенный какой-либо позы. Постепенно, со временем, взгляд его потемнел, отяжелел, провалился... Рот сложился в неприметную ироническую гримаску, способную, впрочем, стремительно разлететься над рядом крупных зубов. Смех его до конца сохранял прежнюю энергию, но звучал реже, трудно вырывался, словно из-под спуда, потрясая и сокрушая всё тело, оставляя мученический, медленно расправляемый слезный оскал...

Морозное солнце за окном. Тяжелый воздух больницы. Мы втроем уединяемся в перерыве скучного семинара. Джон, Пирог, Витя. Сергей прохаживается в тупике коридора, насвистывает что-то. Витя прислонился спиной к подоконнику, зацепив большими пальцами карманы халата, где покоятся его кулаки, расставив ноги, мрачно смотрит перед собой. Это его любимое положение. Я на пробу начинаю рассказывать свежий общежитский анекдот.

«Вчера вечером ввалился Марат Карданов, приятель Сул-

тана из «Плешки» с какой-то подругой. Пока мы входили-выходили, он ее разговаривал, гладил и уговорил остаться ночевать на одной с ним кровати, разумеется... Ну, а мне пришлось терпеть интимное общество Султана. Я спать хотел, думал поскорее уснуть, – куда там! Только потушили свет, Кардан её стремительно атаковал. Минут десять шла откровенная борьба, – мы поневоле затаили дыхание, – потом начались уговоры, периодическая возня... Потом слышу, уже жалуется, что, мол, дело слишком далеко зашло, для здоровья нехорошо так оставлять... Султан скоро захрапел, а я только начну засыпать, вдруг, вздрогивания, скрип, шепот: «А ну, убери руки, урод! Пусти, кому сказала!...» И такой монотонный, гнусный голос: «Ну, давай... ну чего ты...» Часа полтора я так промаялся, надоело. Встал. Пошел в ванную покурить. Через несколько минут выползает Кардан, – в семейных трусах, с пистолетом (я приложил локоть к поясу), опухший, взъерошенный, недоумевающий. Напился воды из-под крана, взял у меня сигарету.

– Что, трудно, – посочувствовал я.

– Джон, – вскинулся он так обиженно, – ну скажи ты ей, в самом деле!

При этих словах Витя стукнул меня в плечо, присел, сведя руки, словно придерживая мочевой пузырь, и зашелся в хохоте. Это был какой-то жестокий спазм. Мы с Сергеем уже отсмеялись и отулыбались, а он всё квакал и приседал со сведенным лицом, смахивая выступившие слезы.

Сергей, как-то по другому случаю, заметил: «Витя, мне твой смех напоминает брачный крик самца кукушки...» На химии было, на практикуме, он тряс колбу в раковине под струей воды и глазами косил на ноги лаборантки в коротком халатике, потянувшейся на цыпочках к высоким полкам. «Лопух!» – крикнул Витя, – «щас колбу разобьешь», – и захохотал. Пирог с недовольным видом выждал паузу и выдал... Витя послушно согнул спину.

Я не вспомню сейчас, когда стал примечать в нем нотки ожесточения. Честно говоря, вначале меня озадачивала другая странная черта Вити. Смех в те годы был нашей духовностью, – добродушной универсалией целой жизни. Мы были готовы рассмеяться в любом её качестве, в любом времени и месте, – так выражалась наша юношеская вера. Отсюда же происходила жадная любовь к жанру анекдота. Политические, эротические, абстрактные, матерные, – они моментально останавливали броуновское движение на переменке, формируя малую, внимательную, демократическую группу вокруг рассказчика, благожелательно пускающую дым из веселых губ. Хороший анекдот молниеносно преодолевал необозримое студенческое пространство, обростал деталями, совершенствовал сюжетную линию, обращался в штамп, смысловой образ, в архетип, – мелькал в лекционном материале и мог спасти ответ на экзамене. Некоторый запас комического, и доля актерского мастерства принадлежали к несо-

мненным добродетелям учащегося народа. Удачная премьера анекдота просто могла составить человеку имя... И вот на этом эпохальном сатирическом фоне Витя обнаруживал досадную неловкость и какое-то странное отсутствие чувства меры. Рассказчик он был неважный, – не мог соблюсти ни паузы, ни интонации. Остроты его часто получались тяжеловатыми, грубыми даже на наш неизбалованный вкус. Та же лаборантка на химии, пришла, помню, расфуфыренная в дым, постукивая по стеклу покрашенными ногтями, принялась оживленно нам помогать. Пирог легко откликнулся, хохмил, всячески развивал непринужденное это сотрудничество. Мы быстро получили необходимые вещества, рассчитали реакции, сдав все преподавателю, спустились в буфет. Обсуждали фигуру и возраст приветливой нашей сотрудницы. «Шлюха», – неожиданно припечатал Витя и неуместно захохотал. Или, сюда же, другое, помню, – после работы на овощной базе, – мы возвращались на электричке в Москву. Добродушный толстый доцент разговорился «за жизнь» со студентами, пошутил в ответ на вопрос «о самом главном». «Знаете, для меня сейчас главное решить, кто собаку будет выгуливать, пока сын в армии, остальное неважно»... Все понимающе улыгнулись, а Витя, покраснев, яростно зашептал рядом со мной: «собаковод-любитель, сволочь!»

Не думаю, что такая его грубая поспешность имела причиной отсутствие чувства юмора, или какой-то дефект эс-

тетического воспитания, или ещё там чего.... Не в этом дело. Витя мог быть тонким и умным ценителем смешного, возможно, нуждался в юморе более других. Здесь уместно вспомнить, как бывают, суровы и требовательны дети и старые девы в вопросах морали и смысла. Обладатели непримиримой идеологии и хрупкой смутной души, чувствительные, ранимые, неприспособленные, – чрезмерно восторженные и сокрушительно огорчённые по пустякам, – что-то такое просматривалось, на мой взгляд, в Вите. Но по началу, смешное, конечно, превозмогало вокруг нас.

На физике Лену Корякину по неосторожности ударило током. «Во-во!» – сардонически заметил работавший с нею в паре Вася Бондарь, – «ты ещё за этот провод возьмишься для полного счастья...» «А вот, увидишь, ничего не будет», – ответствовала упрямая девушка и тут же вся передернулась, побелела от нового удара.... Было очень смешно наблюдать, как радостно ржал её напарник...

Комсоргу группы наивной и пышной Свете Новиковой на биологии положили в портфель «букетик» из толстых вспоротых заспиртованных аскарид, весьма неприятного вида и запаха. Она же мучительно покраснела, совсем по школьному, хлопнула Сергея массивным атласом по голове, когда тот заявил страховому агенту-женщине, что у нас в группе желающих нет, кроме «товарища Новиковой», которая очень интересуется, нельзя ли застраховаться от беременности, но не знает как спросить... Удар вышел тяжелый.

Пирог тошнил и лез к девушке драться...

На зачете по мочеполовой системе поплыл Рома Протченков. Преподаватель, яркая модная брюнетка, выручая его, спросила: «Ну, назовите, какой эпителий во влагалище?» «Однослойный, цилиндрический», – неуверенно произнес Роман. «Это что же, на один раз только?» – вздохнула Элеонора Михайловна...

В общежитии ходили пожарники, собрали народ в кухню на инструктаж. В конце продолжительной скучной лекции обрюзглый пожилой майор попросил задавать вопросы. «Вы знаете», – мелодично подала голос нахальная Таня Гвоздикова, – «мы с папой прошлым летом были в Канаде, там, в номерах, в гостинице огнетушители с дистанционным управлением, – так они сами летают». «Правда?» – удивился старый алкоголик.

Летом на практикуме по общей биологии я, Сергей и Витя должны были исследовать возможности выработки условных рефлексов у «некоторых беспозвоночных». С этой целью мы втроем поехали в далекий академический институт, привезли оттуда сотню ворошащихся маслянисто-черных тараканов, каждый величиной с полпальца взрослого человека. «Здоровые!» – удовлетворенно отметила молоденькая аспирантка, руководитель темы, открыв коробку, от которой поднялся странный тяжелый дух. По её замыслу мы должны были сажать отдельных жуков в U-образный, склеенный из картона и фольги коридор, в одном из плечей

которого помещалась сладкая приманка. Черные чудовища недоверчиво замирали на новом месте, стремительно взбились по нашим рукам, ловко подскакивая, выпрыгивали на стол, бежали во всех направлениях, явственно стуча «копытцами»... Мы их ловили, опрокидывая мебель, «ставили на старт», пихали карандашами к развилке. Особей, «понохавших сахару», пометили краской. Плотно закрыли коробку, ушли домой. Наутро коробка была пуста... Аспирантка, переменившись в лице, тревожным взглядом обвела кафедральные стены. «Мне кажется, у тараканов отсутствуют условные рефлексy. Мы могли бы оформить этот вывод в нашей работе», – негромко предложил Пирог. «У тараканов есть условные рефлексy», – ужесточилась наша руководительница, – «и вы должны показать это в нашей работе, если хотите получить зачет по практикуму». Она написала заявку ещё на сотню. Мы привезли. После долгого, изнурительного эксперимента обернули коробку фольгой, заклеили скотчем, проделали иголкой вентиляционные отверстия, усталые и спокойные разошлись поздним вечером. Наутро коробка была пуста. Из вороха фольги выполз единственный монстр с начисто выеденной спиной, где, по-видимому, была краска, остановился, покачиваясь на слабых лапках, и не спеша закусил усик...

Математик наш целый год ходил в одном костюме, перепачканном мелом, изнуренный количеством часов и нежеланием будущих биологов учить матанализ. «Что у вас, Гевор-

кян?» «Так никогда не бывает, Геворкян. Придется прийти еще раз». Он шумно вздыхал, комкая листок с ответом, извлекал из кармана тряпку, затем платок, чтобы опорожнить туда свой вечно забитый нос. Раз в году, в сентябре, сразу после отпуска, он появлялся в светлом костюме, весь освещенный изнутри бодрым здоровьем, вдохновенно читал первые лекции. Увлеченно жестикулировал, выламывал пальцы, неожиданно бросался с тряпкой к доске и к концу пары в несколько чётких приёмов запихивал её таки в карман брюк. Уже через месяц он хрипнул, шаркал разбитыми туфлями, облекался в лоснящееся черное на долгий год.

Мрачный и высокий «Спящий лев» сутулился, олигофренически оттопыривал нижнюю губу «перед броском» всякий раз, когда обнаруживал курильщиков в закутке возле своего кабинета. На первое апреля ему нарисовали следы ботинок через стол, по доске, дальше на потолок. «Лев» зашел, тупо проследил путь «незнакомца». «Надо полагать, юмор?» – спросил он у притихшего курса. Губа его медленно отвалилась, очки, поблескивая, усталились в первый ряд. «В связи с новым решением ректората, экзамен по физической химии в этом году заменяется дифференцированным зачетом. На будущий год мы вынуждены сократить годичный курс до семестра и отменить практикум». «Ур-ра!» – взорвался, заревел, затопал полный зал. Когда буря пошла на убыль, «Лев» поздравил: «С первым апреля». «Потенциал Гиббса-Гельмгольца мы можем представить в следующем

виде», – бодро застучал его мел по доске. Народ застонал.

Сугубо мужской коллектив кафедры физики всегда отличался крепкой туристско-байдарочной споечностью. Миша Маслов, желая приобрести доверие старших товарищей, под занавес отдыха в спортивно-трудовом лагере на берегу Волги достал из рюкзака три ослепительно белые с позолотой бутылки «Столичной». Поскольку в кафедральном полиэтиленовом баллоне еще не отошал этанол, выпили изрядно в теплом весеннем лесу. С ассистентом Бурцевым Павлом Вениаминовичем Миша быстро стал на «ты», уже и мочился вместе за разговором под одну смолистую ёлку, затем деятельно участвовал в доставке бесчувственного тела своего нового друга через окно в жилой корпус. На экзамене, соответственно, направился к нему с широкой улыбкой... Но, «Паша-гад» добра не помнил. Сделал «козью морду», и невозможно вlepил заслуженные два балла...

Подобный перечень можно продолжить. Пойми меня правильно, читатель: здесь обреталось феноменальное единство молодых наших душ. Постепенно, понемногу, смех сократился, порезчал, поменялся сарказмом. Было с чего. Начальник военной кафедры, полковник, был глуховат и вреден. Заходил в аудиторию, держа папку в руке, шел до стола, там поворачивался, выпрямлялся, делал важное лицо.

«Здравствуйте товарищи студенты!»

«Здравия желаем товарищ Мастурбал!»

Он хмурился, недоверчиво вслушивался, просил повторить приветствие, и мы радостно орали в общем хоре, то, что орали.

Он просил садиться, читал удивительно бессвязные, пустые лекции или командовал построение. Мы выходили в коридор, становились у стены.

«Курс, на первый второй рассчитайсь!»

«Первые, – два шага вперед. Вторые, – четыре, – шагом марш!»

Сам шел между шеренгами, разглядывал затылки и периодически тыкал в спины, – «в парикмахерскую».... «в парикмахерскую!»

Это означало пропуск занятия, допуск из деканата, отработку, штрафные часы на плацу. На экзаменах он злобно валлил строптивцев и обещал отправить в армию. В этом уже было мало юмора, особенно ввиду открывшегося «Афгана».

Другое помрачение обнаруживалось прямо в перспективе нашей профессиональной деятельности. По мере учебы мы узнавали всё больше «интересных фактов». Многие слышали, например, что мировой океан загрязняется, но мало кто знал о молниеносных катастрофических эпидемиях кораллов, поражающих, скажем, Большой Барьерный Риф у берегов Австралии. И каково его значение для морских обитателей тамошних мест. Или, вот, атмосфера планеты, задымленная и загазованная – это понятно, привычно слышать. А знаете, сколько кислорода сжигает один ТУ-154 при пере-

лете через Атлантику? И как медленно его потом выделяет Бразильская сельва? Несложный расчет указывает 2021 год началом глобальных атмосферных изменений, если, конечно, темпы индустриального развития человечества останутся прежними... Очень интересные засекреченные данные по количеству алкоголиков в нашей стране. Социологи Сибири показали, что трудовые коллективы промышленных областей имеют выраженную ячеистую структуру: по тройкам, по пятеркам, по семеркам, которые весьма стабильны. «Семья – ячейка общества», как выражался классик. А, знаете, сколько идиотов у них в потомстве?

Далее, в годы нашей учёбы большая часть человечества умирала от сердечно-сосудистых заболеваний, потом шли инфекции, рак, травма, психопаты... Возможно порядок я уже напутал. Не важно. Помню, на первом курсе мне понравился пафосный рисунок в студенческой газете: огромная пушка загружается интегралами, физическими и химическими формулами и выстреливает в упор по маленькой живой клетке. Уже в студенческие годы мы научились безошибочно диагностировать и оценивать подобный «научпоповый пустобрех», хуже было другое, обнаружение того как медленно, трудно и мелко двигается серьезная наука.

«Уникальное прямое измерение мембранного потенциала митохондрий в семенниках средне-азиатского тушканчика, блестяще проведенное группой казахских ученых, получило недавно подтверждение в экспериментах с клетками

роговицы глаза сирийского голубя. Работа выполнена доктором Р. А. Голдштейном в Иерусалимском университете». Это из юмористических «Новостей» студенческой газеты, висевшей между этажами в институте. Рядом располагался громадный атласный портрет Брежнева. Крупный опрятный генсек хмурил брови, выводя какое-то государственное решение. Любопытствующий, мог подойти, разобрать приписанные каракули: «Спартак – чемпион!»

«Ассошейтед Пресс: Монгольская конница приближается к границам Китая» – из тех же «Новостей».

Витя раньше других начал раздражаться всеобщей смешливостью. У меня на памяти замечательный эпизод со второго курса. Интеллигентный длинный физик, возведя щепоть ко лбу, изумлённо восклицает: «Послушайте! Но это, же ежу понятно!» Багрово-красный Витя упрямо отвечает: «Ежу понятно, а мне – нет... Вы не дали определения энергии». Чуть позже, в перерыве, преподаватель, закурив, успокаивается: «Извините меня за выражения, не обижайтесь. Хотите, я дам Вам литературу, попробуйте сделать сообщение». «Я не обижаюсь», – опять краснеет Витя. «Хорошо, я сделаю доклад». Примерно, таким образом, он достигал серьёзности. Грубел.

На пятом курсе на экспериментальной хирургии мы резали какого-то горемычного пса. У нас уже сложилось разделение труда. Витя, конечно, был хирургом, я анестезиологом, Пирог консультировал, девчонки смотрели. Наш пёс

уже жалко посвистывал в наркозе, а Витя, вскрыв брюшину, всюю копошился в окровавленных внутренностях, когда к нам подошла женщина-преподаватель. «Как у этой бригады дела? Заинтубировали? Так! И сосуды, гляжу, перевязали... Молодцы! Хороший у вас хирург». «Да, хороший!» – отвечивал Витя. И с остервенением затянув узел, прикончил: «Херург от слова хер!» В наступившей паузе беззвучно смеялся Сергей, потупились девчонки. Преподаватель с сожалением посмотрела на Витю и удалилась.

Надо сказать, Витя не любил мат. Ругался, бранился часто, но не сквернословил, мне делал замечания по этому поводу. В отдельных случаях допускал, тщательно подобрав «выражение». «Никто не знает цену мук заживо зарезанного невежами пса, – надо же кому-нибудь быть серьезным!» – примерно об этом вскричал Витя. И, наверное, был не понят.

Я понимал и не понимал его. Понимал, видел этот нешуточный массив абсурда, который открывался во взрослой жизни. В общезитии сам как-то вёл жаркий спор о роли погребальных обрядов в жизни человечества. Мне было жутковато и несколько сушило во рту, но я утверждал, распаляясь, что судьба моего тела для меня совершенно безразлична. «Любые похороны – бред, потому что мне мёртвому они не нужны, а живым просто глупо утешать себя, либо растравливать знаками внимания к разлагающемуся червивому телу. Пусть жалеют друг друга, пусть сочувственно вспоминают меня живого, если это им необходимо в течение какого-то

времени, но причём здесь мой труп! Зачем почитать труп? Да я, хоть сейчас могу продать его в анатомичку, чтоб купить приличные джинсы. Просто не возьмут!» «Поймите, дорогие мои», – нажимал я: «смерть – это всё! Совсем всё! Конец!» Мои оппоненты меня понимали и всё же с каким-то непостижимым упрямством, которое, собственно, и бесило, продолжали настаивать на необходимости слёз, венков и обрядов над всяким усопшим вообще и над собою в частности. Я чувствовал свою правоту, которая в данном случае именовалась последовательностью. Грядущая пустота ничем меня не привлекала, более того, я любил жизнь, надеялся встретить в ней любовь, признание, но не мог объяснить обречённость, потому и навязывал свой вопрос в грубой форме. У Вити всё складывалось по-другому: к шестому курсу он окончательно возненавидел жизнь. Весной того года мне удалось вытащить его в кино. Пошли в «Мир» смотреть «Чудовище». Витя был мрачный, говорил трудно, вязко, однако в кинотеатре отвлёкся, глядел по сторонам: «Джон, сюда надо приходиться, чтобы посмотреть, как одевается современная женщина...» Во время сеанса, глядя на поросёхчи выкрутасы Бельмондо, мы хохотали до слёз. Выйдя, я ещё был навеселе. Витя шел, молча, морщась от яркого солнца. «Ты чего нахмурился?» «Да всё чудно там, на экране, в тёмном зале, а выйдешь на свет – опять та же гнусность. Как в мусорную яму снова...»

Глава III. Праздники и будни

Первый год я снимал комнату с Игорем Островским в хрущовке недалеко от метро «Беляево». Мы делили двенадцать метров, стенной шкаф, раскладной диван, круглый стол и пару стульев. Хозяйка, пожилая неприметная женщина занимала большую комнату. В кухне, помимо плиты и раковины, помещался холодильник «Смоленск», небольшой столик с двумя табуретками, на которые бочком садились оба студента. Над головами висала комнатная березка и традесканция. На подоконнике в горшках с черной землей толстели ухоженные кактусы. Сама Александра Васильевна, стоя, оперировала здесь по всем направлениям, практически не сходя с места. Удобства совместные располагались рядом, за стеной. Платили мы сорок рублей в месяц – как раз одна стипендия по тем временам.

Игорь родился в Баку, жил в Махачкале, учился в Новочеркасске. Высокий, худой, каких-то смешанных кровей, головастый в прямом и переносном смысле. Лоб имел широкий на пол-лица, снимая очки, обнаруживал большие спокойные серые глаза в красноватых прожилках с длинными светлыми ресницами. Всё лицо у него было длинное и широкое и неудачный тонкий стариковский рот. Передвигался он с достоинством, прямо держал голову и спину, помахивал размеренно руками, пижонски приподнимая указательные

пальцы. Разговаривал негромким баском, не спеша, всегда складно и как-то по существу дела, что поневоле запоминалось. Я заметил его первый раз в очереди за бельём у кастильянши, когда заселялся в общежитие перед вступительными экзаменами. Он оказался моим соседом по комнате. В четырёхместном номере, накануне освобождённом старшекурсниками, был погром. Сдвинутые кровати, перевёрнутые стулья, бумаги, бутылки, чей-то лифчик в пыли вместе с другими тряпками. На стене губной помадой по моющимся обоям летящими нетрезвыми буквами широкая надпись: «Привет абитуриентам!» Так и начали знакомство с уборки, жили потом дружно вдвоём тот судьбоносный летний месяц. После экзаменов приехала Игорева мама, подыскала нам неподалеку эту дешёвую комнату с тем расчетом, чтобы мы могли питаться в студенческой столовой, – от нас выходило минут двадцать ходьбы скорым шагом, через пустыри и кварталы новостроек с остатками фруктовых садов между домами. Родители Игоря опекали. Отец приезжал с чемоданом яблок. Другие родственники передавали с поездом гремучие мешки с орехами, трехлитровые банки компотов, впрочем, не так часто, как хотелось. Парень он был домашний, близорукий, здоровьем слабый. Перепады давления, головная боль, капризы кишечника образовывали привычный жизненный фон, который он терпеливо сносил. Был начитан, сам писал стихи, хорошо разбирался после физмат школы в соответствующей области. Вечером перед первым экзаме-

ном, помню, предложил прогуляться в центре, мол, поступим – не поступим, мало ли как сложится, – когда ещё будет возможность «полазить» в Москве...

Мы доехали до «Новокузнецкой», прошли к Кремлю, уже затемно спустились к гостинице «Россия». Какие-то жизнерадостные иностранцы выходили из сияющего вестибюля, грузились в невиданный высоченный автобус с затемнёнными окнами.

– Шура, мы чужие на этом празднике жизни, – заметил Игорь.

– Шура, если Вы завтра пропишите биологию, а затем ещё физику с математикой и напишите «соч», то, возможно, со временем у Вас будет дом в Чикаго, много женщин и машин... – я старался говорить с проникновением.

– Ага, и черешня в Ухте! Если, конечно, нас не заберут уже сегодня, – он указал мне на плотного мужчину в штатском, который недоброжелательно на нас уставился.

Мы поспешили нырнуть в тень. Жаргон на основе Ильфа и Петрова, а также легкий антисемитизм образовывали тогда материю непринужденного нашего общения.

Хозяйка Александра Васильевна работала уборщицей и прачкой по разным местам. Мы также целыми днями отсутствовали, лишь по выходным обитатели квартиры собирались вместе, толкались на кухне, занимали очередь в ванную. Александра Васильевна слушала радио, первую программу, все подряд, начиная «С добрым утром» в девять

пятнадцать, на полную громкость дребезжащей, но звучащей радиоточки, – мы пытались спать, зарывались с головой в одеяло, – далее все новости, «Радио-няню», непременно концерт по заявкам трудящихся...

Заниматься приходилось много. Первые лекции я прилежно записывал, разбирал дома, по примеру бородатых классиков науки, составлял для памяти личный конспект. Потом начались семинары, и полная загрузка. Мы срисовывали, глядя в микроскоп, раскрашенные срезы различных органов, или, скажем, копировали речного рака в натуральную величину со всеми усиками, щетинками, члениками, – «ногочелюстями и педипальпами», – обозначали их стрелочками, подписывали латинские названия и заучивали наизусть. На дом получали ещё страниц тридцать-сорок специального текста, который содержал столько новых терминов, понятий, что по-человечески сразу и не читался. Математик дважды в неделю щедро отвешивал десяток номеров из достойного памяти задачника Демидовича, химики и физики старались не упустить своё. Расписание пестрело часами английского и латыни; историю партии вёл старый въедливый и требовательный большевик, постоянно изобличавший нас то – в левом, то – в правом «оппортунизме с ревизионизмом».

Я особенно застревал на математике: все эти вектора и матрицы плохо входили в мою пылкую биохимическую го-

лову. Игорь, как биофизик, плавал здесь достаточно свободно, зато умирал на анатомии и зоологии, где требовалось механическое подробное запоминание, дававшееся мне довольно легко. Таким образом, мы неплохо консультировали друг друга, впрочем, и откровенно писали «шпоры». Понимание – пониманием, но нужно было выживать, не говоря уже о стипендии. Преподаватели охотно напоминали нам про сессию, приводили двухзначный процент ежегодно отчисляемых за неуспеваемость, благодушно валили на зачетах, контрольных, коллоквиумах, которые изобильно посыпались к исходу второго месяца учёбы.

Первое время мы старались выполнять наказ мамы Игоря. В семь-восемь утра, после бодрящей прогулки до общежитской столовой стремительно поглощали пятидесятикопеечный завтрак, – крохотные биточки с гречкой, подсыхающий шлепок манной каши или полстакана сметаны, чай, пять-шесть кусков хлеба, – приветствовали на остановке знакомых ребят из общежития, оживлённо ехали «в школу». Возвращались порознь, обычно, уже в темноте. Я нырял в метро на кольцевую линию, взлетал по ступенькам перехода на «Октябрьской», топотал по эскалатору, уверенно заворачивал налево на платформу, чётко располагаясь против первых дверей первого вагона. Читать уже не мог, прислонялся куда-нибудь, либо непринуждённо балансировал с портфелем в обнимку, производя свои тихие наблюдения над населением столицы. «Дома» выгружал увесистые книги, тет-

ради, хлеб, молоко, или ещё какой незатейливый ужин, занимавший от силы пятнадцать минут. Вытягивался на полчаса на диване, затем решительно подвигался к столу, сидел часов до одиннадцати, пока не замечал, что начинаю бессмысленно «ездить» по одним и тем же фразам, необратимо засыпая над книгой.

Игорь приходил в обычном лёгком поту. Срывал, разбрасывал одежду, по возможности лез в душ, съедал свою дешёвую колбасу либо сардину в масле, потреблял все мои продуктовые остатки, бросался на диван и лежал с закрытыми глазами часа полтора-два. Потом шевелился, надевал очки, слабым голосом просил «кинуть в него» каким-нибудь Шмальгаузенем («Сравнительная анатомия беспозвоночных») или Синельниковым («Атлас по анатомии человека»). Принимался считать заданные страницы, ругая почём зря «охреневших» преподавателей, издеваясь в слове и в смысле над их фамилиями, именами и отчествами. Стенная и матерясь, громоздился, наконец, за стол, скандально разворачивал к себе лампу. Понемногу включался в работу, «раздухарившись», сидел до полуночи в нервической краске на лице и шее, не в силах потом успокоиться и заснуть. Заслышав, как я принимаюсь торжественно хлопать книгами, потягиваться, трещать костями, завистливо старался отравить жизнь ближнему.

– Шура-презерватив, ты куда собрался? А ну, отвечай: как выглядят антеридии и архегонии кукушкина льна? А? Где?

Не слышу!

– Как многократно усохшие твои яйца, невежа...

– Шурик, слетай на кухню. Чикни у Шуры кусок хлеба...

Жрать хочу, как собака!

– Иди на фиг! Мой хлеб сожрал весь... Сам чего не сходишь?

– Шура, мне нельзя. Я занимаюсь... Шура, ну сходи, будь человеком...

И потом, когда я уже заворачивался в одеяло, истерическим шёпотом:

– Сходи за хлебом, еврей!

С этим «Шуриным» прозвищем забавная вышла история. Александра Васильевна, опасаясь разведения тараканов, настойчиво просила нас не держать продукты в комнате. В кухонном шкафчике специально освободила нам полку. Однажды, мы в складчину закупили заварку, сахар, хлеб, масло на несколько дней. Утром пили чай, веселились, украшая пачку сахара хохмическими надписями: «Шура, не жрите сахар, когда Вы взволнованы, – жуйте полотенце!» «Шура, вам нельзя есть столько сахара, – положите кусок на место. У меня все ходы сосчитаны» «Ну, вот, теперь у тебя все слипнется!» (Это на обороте крышки). Ну и так далее...

Вечером с хозяйкой была истерика.

– Ваня! Я к тебе с Игорем всегда как родному сыну, а вы как обо мне подумали... Да неужели, когда, я у вас взяла кусок сахара?

Мне стоило больших трудов убедить её, что мы, собственно, пошутили, что так для смеху называем друг друга «Шурами»... «А почему?» А Ильфа и Петрова она не читала, – поди, – объясни!

В сессию мы толклись в нашей комнате 10 – 12 часов как заключенные. Лежали, сидели, прохаживались вдоль дивана по очереди. Игорь восседал на стуле на корточках в позе орла, облегчая седалищные кости. Я с той же целью подпихивал под себя ладони, сутулился над столом. Пустые молочные пакеты, банки от консервов, комки бумаги просто швыряли в угол, где под кучей мусора захоронялось ведро. Пыли накапливали столько, что оставляли следы в коридоре. «Шура» ворчала, роптала, затем, улучив момент в наше отсутствие, выгребала всё это безобразие, наводила блистающую чистоту и переставала здороваться. Пристыженные, мы несколько дней демонстративно мели и тёрли пол, угоднически обращались к ней с какими-нибудь словами. Игорь угощал последней сушёной дыней, – предпринимал этакий «ход конём». Обстоятельства, бывали разные. В сессию нам задержали стипендию. Помню, мы проедали последний рубль, дожидаясь почтового перевода от моих родителей. В магазине по-братски разделили мелочь, и каждый обдуманно сделал закупки. Вернувшись, Игорь вскипятил чайник, сгрёб в сторону книги, бумаги, развернул пачку свежей творожной массы с изюмом. Приступил к ней, орудуя столовой ложкой, уложился где-нибудь в три приёма. За это время я проглотил

большую часть батона хлеба, обильно запивая его кефиром из стеклянной бутылки.

– Если бы Вы знали, Шура, из чего этот кефир делают, вы бы не стали его есть, отвечаю.

– Хороша масса, а её уже нет! – выдал я патетически, жуя с полным ртом.

Шура закончил облизывать ложку и уставился на меня злыми глазами.

– Берут, короче, всякие грязные тряпки, носки бросают в большой чан с молоком, плюют, чтобы лучше проходил процесс брожения...

– Поговори, поговори...

Я приподнял бутылку, тряхнул её, покушаясь на последнюю четверть.

– Оставь кефирчику! – взвыл Шура, бросаясь ко мне. Стукнув по зубам, вырвал бутылку, опрокинув, стал пожирать остатки, трясти над своею разинутою пастью.

– А- а, еврей! – сказал я, покладисто, вытирая руки.

Подобный режим, конечно, не проходил без последствий. Игорь крепко болел. Вообще, после сессии несколько наших студентов оказались пациентами кафедры психиатрии, другие заработали различные внутренние болезни, кое-кто догонял учёбу с новым курсом, пропустив год в академическом отпуске. Помню Витю усердным студентом в постоянном светлом клетчатом пиджаке и тёмных брюках. На занятиях он надевал очки в металлической оправе, старатель-

но нескладно отвечал на вопросы преподавателей. Экзамены сдал с тройкой, получил тяжёлый гастрит, пил потом по часам молоко из бутылочки с булочкой на лекциях. Давал глотнуть. Сергей, кстати, тоже провёл первые каникулы в больнице с открывшейся язвой duodenum¹. При такой нагрузке, понятно, мы не сразу сдружились в группе. Стояли вместе на переменах, обедали в столовой комбината «Красная Роза», – «дёшево и сердито» – ходили вместе к метро после занятий. В сессию выживали индивидуально, каникулы проводили с родителями. И, тем не менее, это была сладкая каторга, полная смысла, великих надежд, глубокого удовлетворения, испытанною своею способностью учиться. Сдали зимой последний экзамен, и поехали на Арбат, остановились в «Метелице», где, выложив горкой зачётки на стол, втроем, пили «Шампанское» на голодный желудок без закуски достойно и разорительно.

В следующем семестре я почувствовал себя поувереннее. Родители, счастливые моими успехами, преподнесли в подарок среднего качества венгерские джинсы, в которых я уже совсем «был похож на человека» и решил «соблюдать субботу». То есть, накануне выходных ехал «к Шуре», забрасывал портфель и отправлялся, куда глаза глядят, – в кино, гулять по городу или садился в троллейбус к окошку и ехал весь маршрут, перекусывал где-нибудь по дороге. Игорь предпочитал остаться дома, помыться-постираться, разобрать нето-

¹ Двенадцатиперстная кишка (лат).

ропливо записи, быть может, накропать какие-то строчки. При случае я также отдыхал от него, слушал транзистор, подшивал носки, просто бездельничал с удовольствием. Весной по погоде мы выходили вместе прогуляться в зону отдыха, либо к общежитию. Событиями студенческой жизни были концерты популярных тогда «Високосников», «Машинистов», «Арсенальщиков»². О них я буду еще говорить ниже.

Запомнился факультетский чемпионат по мини-футболу. Принимали участие все курсы, выставляли команду преподаватели. У нас Витя вратарствовал, я с Ромой Протченковым его прикрывал в защите, Ахмед Аримов «мотал» полкоманды противника, бросался в свалку у ворот, неизменно «залеплял», либо «пропихивал» мяч, что, впрочем, не спасло его в дальнейшем от отчисления. Мы выступили удачно, получили призы. Кушали с девчонками торты с пивом...

Весна 1975 года вышла необычайно ранняя. В феврале по морозцу на солнышке весело забарабанила капель, в марте мы скинули верхнюю одежду, а май подошел совсем зелёный. В сессию была полная жара. Окно нашей комнаты открывалось настежь. Утром Игорь в «семейных» трусах садился на корточки на подоконник, блаженно обращал близорукое лицо к солнцу, поворачивал голову, совершал какие-то спортивные мероприятия руками, – забавнейшая фигура в окне второго этажа над чахлым палисадничком.

² Жаргонные титулы «Високосного лета», «Машины времени», ансамбля «Арсенал».

– Шура, вы только посмотрите какая женщина! Красавица!... О – у! Пардон, мадам... Никакой возможности заниматься науками.

– Шура, сейчас на ваши вопли прибежит муж, либо друг красавицы с багром, а я, чтобы не отрываться от неорганической химии, буду вынужден выдать вас правосудию...

Эту сессию мы отмечали большой компанией в полуподвальном кафе с рабочим названием «Яма» около метро «Фрунзенская». Здесь были уже классические атрибуты студенческой попойки: прокуренный гам, избыток разливаемого под столом спиртного, нарастающее веселье, дополнительные заходы в «Гастроном», стычки с администрацией, допивание в скверике. Витя оставался самым трезвым, когда его приятели двинулись, вдруг, «на подвиги» в самых различных направлениях. Двое завалились в соседний пединститут, где в гулком вестибюле под исполинским мраморным Лениным громко звали девушек. Султан, покачиваясь, отправился сдавать зачет по биологии. Витя искал меня, посадив Ромку на лавочку сторожить вещи. Обошёл весь сквер, вернувшись, обнаружил Пирого в объятиях какой-то сомнительной толстой тётки, тогда как её более молодой подруге Шура декламировал что-то из своей поэзии. По счастью, несмотря на сумерки, я нашёлся неподалеку в свежем клумбном чернозёме, а Ромка все это время честно сидел над сумками, правда, «кивал», пуская слюну до земли... Скоро появились дружинники, затем милиция и т. д. и т. п. Историю

эту с неожиданными фольклорными добавлениями я слушал через несколько лет в компании молодых студентов, впрочем, как и другие красочные повествования.

Осенью в начале следующего года мы заселялись в долгожданный новый корпус общежития. Условия здесь были очень приличные. Номера включали пару комнат, туалет, ванную, небольшую прихожую. Мы сами перевозили новую мебель. На каждом этаже была кухня с электрическими плитами, внизу библиотека, холл, в соседнем корпусе столовая. Я легко расстался с Игорем, променяв его ироническое общество на более простодушную мальчишескую компанию, в которой при всяком удобном случае гонял мяч. Впрочем, располагались мы по соседству, продолжали приветствовать друг друга «Шурами». Весь наш курс разместился на двух с небольшим этажах. Несколько месяцев мы так и прожили коммуной, более- менее, вместе учились, пели и слушали на вечеринках КСП-ешные песни под гитару, танцевали на днях рождения под дешёвый «Аккорд», на котором крутились пластинки Аллы Пугачевой, Давида Тухманова, Мирей Матье и Поля Мориа. К столу подавалось венгерское либо болгарское вино с тазом салата «оливье».

У себя в комнате я, Рома Протченков и Вася Поливанов составили общую кассу, установили график дежурств, чтобы, кроме уборки, ещё готовить по очереди ужин. Благочестивый этот эксперимент не продлился даже месяц. Скоро

Рома стал отлынивать, Вася «качать права». Меня обозвал вредителем, обнаружив, как я чищу картошку. Лазал под кровать, воздевая пыльный рукав, поднимал возмущённый крик. Неплохой парень, сибиряк, но какой-то упёртый правдолюбец в худом смысле этого слова. Ромка тогда переживал трудную любовь, пробовал философствовать. Я его пытался защищать, но неудачно. Вася затеял переезд, а к нам заселился Вовка Саидгареев, весёлый, крепкий татарин, способный пить как конь.

К исходу второго года учёбы фамильярная наша компания стала быстро распадаться и перемешиваться в широком чане общей студенческой жизни. Прошло ещё несколько бурных лет, прежде чем я смог различить в пестроте и грохоте этого весёлого дома на Юго-Западе столицы определённые человеческие течения. Один видимый несомненный полюс образовывали так называемые «целевики», то есть ребята, приехавшие на учёбу из союзных республик либо «дружественных стран» по направлению своих правительств. У себя на родине они большей частью принадлежали к семьям партийной элиты и, соответственно, приносили в общежитские, заселённые тараканами этажи, телевизоры и магнитофоны, личную мягкую мебель, ковры, дорогие напитки и сигареты, накрашенных эстрадного вида девиц, другие стильные предметы обихода. Особенно, отличались в этом плане арабские, болгарские, некоторые африканские и грузинские студенты. Жили они кучно, дружно, праздно и, по-видимо-

му, весело, выступая, таким образом, вольно либо не вольно в качестве рекламных агентов некоторой «хорошей жизни». По утрам, когда разночинный учащийся люд накапливался на остановке, приготавливаясь «штурмом брать» автобус, «не наши люди» в оригинальных туалетах и косметике, заводили собственные «авто», либо двумя пальчиками ловили такси, следуя на занятия с недомогающими, усталыми, но достойными лицами. У нас на курсе поначалу весьма многочисленная группа подобных товарищей заметно поредела после двух сессий. Впрочем, по большей части благополучно переместилась на другие, менее престижные факультеты, либо отправилась домой в республиканские Вузы.

Другой социальный полюс составлялся из трудолюбивых взрослых людей, успевших отслужить в армии, либо поучиться в каком-нибудь техническом институте. Также сюда примыкали молодые ребята из провинциальных интеллигентных, небогатых либо неполных семей, детдомовцы, верующие по убеждениям (обычно сектанты и инородцы), дети и внуки сосланных родителей. Вынужденные зарабатывать себе на хлеб и на вид насущный в столице, они знали цену времени, силам, деньгам и особо не баловались. Изредка здесь встречались замечательные цельные, самостоятельно мыслящие натуры, но, большей частью, эти неяркие юноши и некрасивые угловатые девушки как-то отодвигались в сторону, принимали привычку к деловитой торопливости, часто поспешно оформляли брак, а там, переходя за «черту

осёдлости», дальше продвигались на периферию студенческой жизни, погружаясь в работу, учёбу, болезни, долги, повседневную борьбу за выживание в полной мере. На каждом этаже корпуса были предусмотрены семейные номера, подле которых скоро появились коляски, забегали по коридору интернациональные малыши. Некоторые мои знакомые-трудяги состоялись впоследствии хорошими администраторами в науке, либо в здравоохранении, правда, у себя на родине или по месту прописки жены, или в не очень близком Подмосковье, особенно, если сообразили вовремя вступить в партию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.